

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА (1918-2008)

О
ДИН ДЕНЬ
ИВАНА
ДЕНИСОВИЧА

ОПЕРА В ДВУХ ДЕЙСТВИЯХ

ПО ОДНОИМЕННОЙ ПОВЕСТИ
АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

ЛИБРЕТТО ГЕОРГИЯ ИСААКЯНА
И АЛЕКСАНДРА ЧАЙКОВСКОГО

СОЛИСТЫ, ХОР
И ОРКЕСТР ПЕРМСКОГО
АКАДЕМИЧЕСКОГО
ТЕАТРА ОПЕРЫ
И БАЛЕТА
ИМЕНИ
П. И. ЧАЙКОВСКОГО
ДИРИЖЕР -
ВАЛЕРИЙ
ПЛАТОНОВ

Щ-8554

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН Основные вехи жизни

- 1918, 11 декабря – Александр Солженицын родился в Кисловодске
1936 – окончил школу в Ростове-на-Дону
1941 – окончил физмат Ростовского университета
1941–1945 – в армии, от рядового до капитана
1945, 9 февраля – арестован на фронте в Восточной Пруссии;
7 июля – осужден по ст. 58 на восемь лет лагерей
1953 – по отбытии срока отправлен «навечно» в ссылку в аул Кок-Терек Джамбульской области Казахской ССР
1953–1956 – учительствует (математика и физика) в коктерекской средней школе; лечится в ташкентском «раковом корпусе»
1956, апрель – распущена ссылка по 58-й статье;
июнь – уезжает в Россию
1956–1957 – учительствует в поселке Мезиновский Владимирской области
1957, 6 февраля – реабилитирован Военной коллегией Верховного суда СССР «за отсутствием состава преступления»
1957–1962 – учительствует в Рязани в школе № 2
1959, май–июнь – написан «Один день Ивана Денисовича»
1962, ноябрь – «Один день...» опубликован в журнале «Новый мир»
1963, январь – в «Новом мире» напечатаны рассказы «Матрёнин двор» и «Случай на станции Кречетовка»
1965–1968 – в несколько приемов написан «Архипелаг ГУЛАГ»
1967, март – закончена повесть «Раковый корпус»;
май – открытое письмо Съезду советских писателей
1968 – окончательная редакция романа «В круге первом»
1969, ноябрь – исключен из Союза писателей
1970, октябрь – присуждена Нобелевская премия по литературе
1970–1973 – рождаются три сына
1973, конец августа – рукопись «Архипелага ГУЛАГа» захвачена КГБ;
декабрь – первый том «Архипелага...» опубликован в Париже
1974, февраль – арестован, лишен советского гражданства и выслан из СССР
1974–1994 – два года в Цюрихе, затем в Штате Вермонт (США); публикует «Бодался телёнок с дубом»; пишет и публикует «Красное Колесо»; выступает с публицистикой
1990 – публикация в СССР статьи «Как нам обустроить Россию?»
1994, май – возвращение на родину
1994–1998 – много ездит по российской провинции; публикует книгу «Россия в обвале»
1995–2004 – публикует «Двучастные рассказы», очерки «Литературной коллекции», «Двести лет вместе», «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: Очерки изгнания»
2005–2008 – готовит к печати 30-томное Собрание сочинений; выступает с рядом злободневных публикаций
2008, 3 августа – умер в своем доме в Троице-Лыкове;
6 августа – похоронен в некрополе Донского монастыря

ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА

Сохранение человеческой души в условиях тоталитаризма и внутреннее противостояние ему – сквозная тема повести «Один день Ивана Денисовича».

Впервые появился мощный литературный рассказ о самой запретной теме «режимной страны социализма» – лагерях. Публикация «Одного дня Ивана Денисовича» – явление для жизни и судьбы Советского Союза знаковое. Именно с этой книги началось постепенное исчезновение архипелага ГУЛАГ.

Об истории создания повести рассказывает Наталья Дмитриевна Солженицына

Рассказ об одном дне «ничем не примечательного человека» Солженицын задумал в Особом лагере Экибастуз в северном Казахстане, где работал каменщиком на строительстве ТЭЦ: «Я в 50-м году, в какой-то долгий лагерный зимний день таскал носилки с напарником и подумал: как описать всю нашу лагерную жизнь? По сути, достаточно описать один всего день в подробностях... и день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтоб это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складываются годы. Задумал я так, и этот замысел остался у меня в уме, девять лет я к нему не прикасался и только в 1959, через девять лет, сел и написал».

Летом 1956, освободившись после 11 лет тюрем, лагерей и ссылки, Александр Исаевич Солженицын перебрался из Казахстана в Среднюю Россию, стал учить математике деревенских детей во Владимирской области, через год поселился в Рязани, где преподавал физику и астрономию в средней школе № 2. Там и написан рассказ, в мае–июне 1959. «Писал я его недолго совсем, всего дней 40, меньше полутора месяцев. Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь и... только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтоб лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое».

Написал – и спрятал. А рискнул предложить в печать – лишь спустя два с лишним года, после атаки Хрущёва на «культ личности» Сталина. В ноябре 1961 московские друзья отнесли рукопись (печать с двух сторон, без полей и пробелов между строчками, название – «Щ-854», и без имени автора) в «Новый мир». Редактор отдела прозы Анна Берзер сразу поняла цену удивительной новинки и передала её главному редактору журнала Александру Твардовскому со словами: «Лагерь глазами мужика, очень народная вещь». («В шести словах нельзя было попасть точнее в сердце Твардовского», – позже оценил Солженицын). По рассказу Твардовского, он «вечером лёг в кровать и взял рукопись. Однако после двух-трёх страниц решил, что лёжа не считаешь. Встал, оделся. Домашние его уже спали, а он всю ночь, перемежая с чаем на кухне, читал рассказ – первый раз, потом и второй. Так прошла ночь, пошли часы по-крестьянскому утренние, уже Твардовский и не ложился. Он звонил и велел узнавать у Берзер: кто же автор и где он.

Особенно понравилось ему, что это – не мистификация какого-нибудь известного пера, что автор – и не литератор, и не москвич».

С той ночи задался Твардовский недостижимой, казалось, целью – опубликовать рукопись в своём журнале. «Печатать! Печатать! Никакой цели другой нет. Всё преодолеть, до самых верхов добраться, до Никиты...»

Доказать, убедить, к стенке припереть. Говорят, убили русскую литературу. Чёрта с два! Вот она, в этой папке с завязочками. А он? Кто он? Никто ещё не видел». Начал Твардовский собирать для передачи на властный Олимп рецензии самых авторитетных писателей. К.И. Чуковский назвал свой отзыв «Литературное чудо»: «Шухов – обобщённый характер русского простого человека: жизнестойкий, “злоупорный”, выносливый, мастер на все руки, лукавый – и добрый... Весь рассказ написан его языком, полным юмора, колоритным и метким... это живая органическая речь, свободная как дыхание... С этим рассказом в литературу вошёл очень сильный, оригинальный и зрелый писатель... Мне даже страшно подумать, что такой чудесный рассказ может остаться под спудом. [Он] весь написан во славу русского человека».

С.Я. Маршак, сверх официального отзыва: «По простоте и мужеству [автор], пожалуй, от протопопы Аввакума... В его вещи народ от себя заговорил...»

На первом же обсуждении рукописи в редакции журнала, вспоминал Солженицын, «предложили мне для весу назвать рассказ повестью, – ну, и пусть будет повесть. Ещё, не допуская возражений, сказал Твардовский, что с названием «Щ-854» повесть никогда не сможет быть напечатана... Переброской предположений через стол... сочинили совместно: “Один день Ивана Денисовича”. Предупредил меня Твардовский, что напечатания твёрдо не обещает (Господи, да я рад был, что в ЧКГБ не передали!), и срока не укажет, но не пожалеет усилий».

Тем временем рассказ упорхнул из сейфа «Нового мира» и закружил своими маршрутами. Прочитав рукопись, Анна Ахматова отчеканила: «Эту повесть о-бя-зан прочитатъ и выучить наизусть – каждый гражданин изо всех двухсот миллионов граждан Советского Союза».

Венчая десять месяцев усилий, манёвров, отчаяний и надежд Твардовского, через одиннадцать месяцев ото дня как «пещерная машинистка» попала в журнал, 12 октября 1962 Президиум ЦК КПСС под давлением Хрущёва принял решение о публикации «Одного дня Ивана Денисовича». Ещё через месяц, в ноябрьской книжке «Нового мира» рассказ был напечатан, тиражом более 100 тысяч.

Это было чудо. Для того чтобы такое случилось, «нужно было стечение невероятных обстоятельств и исключительных личностей, – говорил спустя 20 лет Солженицын. – Если бы не было Твардовского как главного редактора журнала – нет, повесть эта не была бы напечатана. И если бы не было Хрущёва в тот момент – тоже не была бы напечатана. Больше: если бы Хрущёв именно в этот момент не атаковал Сталина – тоже бы не была напечатана. Напечатание моей повести в Советском Союзе, в 62-м году – подобно явлению против физических законов, как если б, например, предметы стали сами подниматься от земли кверху или холодные камни стали бы сами нагреваться, накаляться до огня».

В том ноябре не умолкал телефон в «Новом мире», благодарили, плакали, искали автора. В библиотеках записывались в очередь, на улицах москвичи осаждали киоски, – память о том не побледнела и через треть столетия, вот пишет С.С.Аверинцев в 1998: «С незабвенным выходом в свет того одиннадцатого номерного номера жизнь наших смолоду приунывших поколений впервые получила тонус: проснись, гляди-ка, история ещё не кончилась! Чего стоило идти по Москве... видя у каждого газетного киоска соотечественников, спрашивающих всё один и тот же, уже разошедшийся журнал! Никогда не забуду... человека, который не умел выговорить название “Новый мир” и спрашивал у киоскерши: “Ну, это, это, где вся правда-то написана!” И она понимала, про что он; это надо было видеть... Тут уж не история словесности – история России».

В том же ноябре Варлам Шаламов писал Солженицыну: «Я две ночи не спал – читал повесть, перечитывал, вспоминал... Повесть – как стихи – в ней всё совершенно, всё целесообразно. Каждая строка, каждая сцена, каждая характеристика настолько лаконична, умна, тонка и глубока, что я думаю, что “Новый мир” с самого начала своего существования ничего столь цельного, столь сильного не печатал».

Хрущёвская «оттепель», однако, скоро кончилась, и уже во второй половине 60-х «Один день Ивана Денисовича» изымался из библиотек, а директивный запрет на все произведения Солженицына, напечатанные в СССР, был введен 28 января 1974 распоряжением Главного управления по охране государственных тайн в печати. К тому времени рассказ был переведен и издан на десятках европейских и азиатских языков.

На родине рассказ снова издаётся с 1990.

***Письмо художественного руководителя
Пермского академического театра
оперы и балета имени П.И. Чайковского
Георгия Исаакяна
Александрю и Наталии Солженицыным***

Уважаемый Александр Исаевич!
Уважаемая Наталия Дмитриевна!

Беру на себя смелость потревожить вас в связи с одним из, на мой взгляд, важнейших творческих и гражданских проектов в истории возглавляемого мной театра, с участием ряда интереснейших художников современной России. Очень надеюсь, что обращение мое встретит благожелательный отклик с вашей стороны.

Некоторое – достаточно продолжительное – время назад я в качестве художественного руководителя одного из старейших и известнейших оперных театров России – Пермского академического театра оперы и балета – обратился к одному из самых интересных современных композиторов, ректору Санкт-Петербургской консерватории Александру Чайковскому, с необычным предложением – подумать о создании оперы по Вашей, Александр Исаевич, великой повести «Один день Ивана Денисовича». Спешу уверить Вас, глубокоуважаемый Мастер, что идею эту, прежде чем обсуждать с композиторами, я обдумывал и вынашивал долгие годы. Мне, как оперному режиссеру с 20-летним стажем и основательным музыкальным образованием, очевидно – Ваша повесть МОЖЕТ стать оперой, и оперой необыкновенной, возможно, уникальной в своем роде. И кажущаяся отстраненность оперного жанра, возможно – один из немногих на сегодня способов искренне воплотить в театре такой сложнейший человеческий и исторический материал, как «Иван Денисович».

Хочу сказать, что получил от Александра Владимировича почти моментальный – и восторженный! – положительный ответ: оказывается, очень многим сегодня разговор этот вновь (в действительности – всегда!) кажется очень важным! И вот уже на протяжении нескольких месяцев мы ведем интенсивную переписку и обсуждение того, какой могла бы быть эта опера. (В приложении я приведу одно из своих писем композитору и один из вариантов сценарного плана будущей оперы).

Должен сказать, что очень многое изначально, как нам кажется, «правильно» складывается в нашем замысле: и то, что инициатор – Пермь – одно из самых крупных ответвлений «архипелага», где и поныне большой кусок территории – это полуразрушенные лагеря; и то, что инициатор – Пермский театр – один из самых бесстрашных творческих коллективов в провинциальной России, часто берущийся за то, за что не решаются братья наши «старшие братья» в обеих столицах; и что согласие дал Александр Чайковский, автор интереснейших оперных опытов, и многое другое.

Но в данный момент для нас всех совершенно очевидно, что дальнейшая работа по созданию оперы невозможна и бессмысленна без Вашего, Александр Исаевич, и Вашего, Наталия Дмитриевна, на то согласия и благословения. За этим согласием я и позволяю себе к вам обратиться в искренней надежде на ваш благосклонный ответ.

С глубочайшим уважением,
Художественный руководитель театра,
заслуженный деятель искусств РФ,
лауреат Государственной премии России,
лауреат Премии имени Ф. Волкова Правительства РФ

Георгий Исаакян
31.01.2008

***Письмо Александра Солженицына
Художественному руководителю
Пермского театра оперы и балета
Георгию Исаакяну***

Уважаемый Георгий ...!
(простите, не знаю Вашего отчества)

Ваше письмо (31.1.08) было для меня большой неожиданностью. Вообще при обсуждении вопросов, связанных с переходами, сменами жанров, я бываю всегда консервативен и весьма неуступчив.

Но Ваше глубоко продуманное письмо, полное живых душевных движений, задало мне задачу, к которой я был совсем не готов. Ваши доводы, при опоре на Ваш режиссёрский опыт и на репутацию Вашего театра, обезоруживают меня от возражений, которыми я бы, вероятно, ответил в другом случае.

Конечно, мне – даже и ознакомься с Вашей схемой «акт – содержание – музыка» – слишком ещё далеко до того, чтобы услышать – увидеть всё это вместе, в опере.

Но – да будет оправдан Ваш замысел – творческой удачей.

Ваш А. Солженицын
12.02.2008

Александр Чайковский: «Вся история создания оперы очень странна... Случайная встреча на улице в Питере с Георгием Исаакием прошлой зимой, его предложение, идея рассказать “Один день Ивана Денисовича” музыкальным языком. Мне очень давнее желание придумать что-то на Солженицына – я думал об “Августе 1914”...»

И очень быстрый темп сочинения: опера начата десять месяцев назад и за два месяца музыка была уже готова – это невероятно короткий срок!

Я испытал огромное наслаждение работать с такой великой литературой. Текст везде подлинный – Солженицына».

Александр Чайковский, народный артист России, профессор Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, заведующий кафедрой композиции Московской консерватории, художественный руководитель Московской филармонии.

Современный российский композитор, пианист. Окончил Центральную музыкальную школу и Московскую консерваторию по классу фортепиано, занимаясь у великих педагогов – Генриха Нейгауза и Льва Наумова.

В консерватории увлёкся композицией и был принят в класс Тихона Хренникова, у которого закончил обучение в аспирантуре.

С 1993 по 2002 годы – советник Мариинского театра.

С 2001 по 2002 годы – приглашённый профессор Санкт-Петербургской консерватории.

С 2005 по 2008 – ректор Санкт-Петербургской государственной консерватории.

С 2003 по настоящий момент – художественный руководитель Московской филармонии.

А. Чайковский ведёт активную общественную деятельность, проводит многочисленные мастер-классы, участвует в жюри различных конкурсов. Он также является автором критических статей в ряде ведущих музыкальных журналов.

С 2002 по 2005 годы был инициатором и художественным руководителем музыкального фестиваля «Молодёжные Академии России». Основная цель фестиваля – продвижение молодых композиторов и исполнителей, акция получила поддержку Президента РФ. Композитор является членом и председателем жюри многочисленных российских и международных конкурсов, членом постоянного комитета Государственных премий России и Беларуси.

Список сочинений А. Чайковского многообразен. Композитор в своем творчестве охватывает практически все основные жанры академической музыки: он автор опер, балетов, ораторий, симфоний, инструментальных концертов (для фортепиано, альты, виолончели, фагота и симфонического оркестра и других инструментов), хоровых и вокальных произведений, камерно-инструментальных сочинений.

Активно работает в жанрах «легкой музыки»: мюзикла, оперетты, музыки к кино- и телефильмам, документальным и мультфильмам.

Александр Чайковский – обладатель первой премии Международного конкурса композиторов Hollybush Festival (США, 1985). Принимал участие в международных музыкальных фестивалях Schleswig-Holstein, Bad-Kissingen (Германия), «Пражская весна», в фестивале Юрия Башмета в Лондоне, в международном фестивале искусств «Звёзды белых ночей» (Санкт-Петербург), в фестивале имени А.Д. Сахарова в Нижнем Новгороде, в международном фестивале «Киев-фест». В 1988 году А. Чайковский стал главным композитором международного фестиваля Bad Kissingen (Германия), а в 1995 – фестиваля Nova Scotia (Канада). Музыка А. Чайковского звучала в крупнейших залах России, Европы, Америки, Японии. В январе 2009 года состоялась европейская премьера Симфонии № 4 в Мюнхене с оркестром Баварского радио (дирижер М. Янсонс).

Его музыка звучала в Чикаго и Атланте, Дортмунде и Гамбурге, Москве, Петербурге, Самаре, Уфе, Саратове.

Музыку А. Чайковского исполняли такие выдающиеся музыканты, как М. Плетнёв, В. Федосеев, В. Гергиев, М. Янсонс, Х. Вульф, С. Сондецкис, А. Дмитриев, В. Зива, Л. Пешек, Л. Гюттлер, А. Сладковский, Ю. Башмет, В. Третьяков, Д. Герингас, Б. Пергаменщикова, М. Гантварг, Е. Бронфман, А. Слободяник, «Вермеер-квартет», «Терем-квартет», «Фонтене-трио». С композитором сотрудничают Мариинский театр, Московский музыкальный театр под управлением Б. Покровского, Московский театр оперетты, Детский музыкальный театр имени Н.И. Сац, Театр оперы и балета в Братиславе (Словакия), Театр музыкальной комедии Санкт-Петербурга. В Пермском театре оперы и балета были поставлены опера «Три сестры Прозоровы» (1995) и балет «Дама Пик» (1999).

Из выступления Наталии Солженицыной накануне премьеры оперы Александра Чайковского «Один день Ивана Денисовича»

Пермь, 15 мая 2009

Всего 15 коротких месяцев прошло с тех пор, как Александр Солженицын получил письмо-вопрос от Георгия Исаакяна: не согласится ли он на создание оперы «Один день Ивана Денисовича»?

Уже 9 долгих месяцев прошло с тех пор, как не стало Александра Исаевича... Но смерти нет. Художник не умирает.

Если кому нужны доказательства – не надо далеко ходить: «Русские сезоны» через 100 лет возрождаются в «Сезонах Дягилевских», русские премьеры давно ушедших Генделя, Массне, Рубинштейна, Стравинского – сверкают на сцене Вашего театра, прежде недоступные полотна и эскизы гениальных мастеров кочуют из музея в музей – и в готовности служить вечному искусству бурлит молодая кровь новых продюсеров.

Александр Исаевич был убежденным провинциалом. Он не уставал повторять, что централизация всех видов духовной жизни в советские десятилетия – это уродство, духовное убийство. Что прежние русские города имели культурную и духовную насыщенность, позволяющую самым образованным людям с наслаждением жить там и не тосковать всем в одну многомиллионную столицу.

Он не сомневался: станет или не станет наша страна цветущей – решительное зависит не от Москвы и Петербурга, а от провинции. Ключ к жизнеспособности страны и к живости её культуры – в том, чтоб освободить провинцию от давления столиц, и сами столицы освободились бы от болезненного гигантизма, от необозримости своих функций, что искажает и их нормальную жизнь...

Наша родина не может жить самоценно иначе, как если укрепятся по её просторам, скажем, сорок жизненных и световых центров для своих краёв, каждый из них – средоточие свободной экономической деятельности и культуры, – так, чтобы всё население края получало бы полноценное культурное питание, а молодёжь – качество обучения не ниже, чем в столицах... Александр Исаевич верил, что вокруг каждого из таких сорока городов – вынырнет из обморока и самобытность окружного края... Только так может соразмерно развиваться большая страна.

Когда в середине 90-х годов мы вернулись на родину из изгнания и Александр Исаевич объехал три десятка областей, побывав в районах, и в местах глуше, – он испытал отчаяние от состояния школ, библиотек, не говоря уж о культуре русской провинции. Он написал тогда («Исчерпание культуры», 1997): «Если русская культура ещё сегодня не погибла – то лишь благодаря поразительной самоотверженности ничем материально не подкреплённых энтузиастов» и естественному подросту талантливой молодёжи. «Будущее русской культуры зависит от того, сумеет ли в этих чрезвычайных обстоятельствах наш народный гений нащупать ступеньки развития. Кто – своим талантом, кто – бескорыстной дружественной помощью талантам... Сумеет ли мы уберечь от разрушения, поднять, укрепить, развить нашу внутреннюю, мыслительную и творческую жизнь. Которая и есть культура».

Ваш Фестиваль и сам Ваш город – способен уменьшить ту сердечную тревогу, хотя и не вовсе загасить её. Впереди ещё много труда, надежд, отчаяний, преодолений. Однако в битве за культуру Пермь – несомненный флагман в самоспасительной флотилии российских провинциальных городов.

Георгий Исаакян
Выступление на Международной научной конференции:
«Личность и творчество А. И. Солженицына
в современном искусстве и литературе»
Москва, 15–17 марта 2017

Добрый день, уважаемые коллеги!

Для меня большая честь выступать перед столь высоким собранием. Тема моего доклада обозначена как «Опера “Один день Ивана Денисовича” – опыт переживания истории в проектах Пермского оперного театра». До того как возглавить Театр имени Н. И. Сац, я двадцать лет прослужил в Перми, в знаменитом Пермском оперном театре, из которых десять лет был его художественным руководителем. Как раз на те годы пришлась эта невероятная история, которой я хотел бы поделиться. Готовясь к сегодняшнему докладу, я освежал в памяти те дни; перечитывал очень короткую, но, наверное, одну из самых важных переписок в моей жизни с Наталией Дмитриевной и с Александром Исаевичем. Он уже тяжело болел, это был 2008 год, но небу было угодно, чтобы идея создания оперы «Один день Ивана Денисовича» пришла нам в голову в тот момент, когда Александр Исаевич еще был с нами. То короткое письмо, которое потом уже Наталия Дмитриевна на премьере читала со сцены Пермского оперного театра, трудно назвать разрешением автора на создание произведения. Это, скорее, такое отеческое благословение, оно стало одним из самых важных моментов в моей жизни и, думаю, в жизни Пермского театра оперы и балета.

Александр Исаевич повернул нацию лицом к самой большой травме в истории, ибо революция 1917 года и ее последствия были, несомненно, травмой. Было много и других катастрофических явлений в истории нашего государства. Но, вероятно, именно опыт ГУЛАГа, опыт, до сих пор не пережитый, не переплавленный внутри, столь гигантский и столь пугающий при малейшем прикосновении, даже сейчас, спустя десятилетия, заставляет замирать сердце. И мне, как человеку театра, как человеку искусства, кажется, что искусство – это единственный способ для нации пережить и как-то переплавить в себе этот чудовищный травматичный опыт.

Аргументом в моем письме к Александру Исаевичу было то, что я не очень верю в возможность правдиво (прошу прощения у своих коллег, представляющих драматический театр) изображать на драматической сцене этот чудовищный опыт; невозможно играть в него, невозможно притворяться. Это невероятная проблема: как говорить об этом и не лгать. Мне кажется, это одна из главных проблем, и я думаю, что наш сегодняшний разговор, наверное, об этом тоже. Аргументом моим было то, что, как мне кажется, только абстрактный возвышенный язык музыки и оперы может преодолеть этот страх неправды. Ведь опера не притворяется жизнью, она сразу же встает на котурны, она создает некую дистанцию, но при этом абстрактный язык музыки открывает эмоциональные шлюзы и позволяет

опосредованно пережить то, что на уровне логическом, детально аналитическом, ты не можешь пережить, не можешь это впустить в себя.

Нами, постановочной группой этого спектакля, замечательным композитором Александром Чайковским и потрясающим сценографом Эрнстом Гейдебрехтом, был выбран прием брехтовского «эпического театра», своеобразного отстранения. Поэтому в спектакле очень большую роль играли манекены, ибо эту вселенскую катастрофу, когда весь мир превращается в лагерь и в то же время мир сужается до размеров лагеря, театральным языком надо было воплотить на камерной, «итальянской» сцене Пермского оперного театра.

Наталья Дмитриевна призналась, что ей казалось, будто сегодня говорить на тему «Солженицын в искусстве» несколько преждевременно. Однако то, что произошло в Перми, все же позволяет увидеть сильнейшее воздействие Солженицына на культурную ситуацию в городе. Ведь в результате возник большой проект, который назывался «Опера ГУЛАГ»: спектакль «Один день Ивана Денисовича» был сделан в сотрудничестве с музеем «Пермь-36» и, наверное, это тоже был один из важнейших опытов в жизни артистов театра. Когда мы приехали во время репетиции в «Пермь-36», мы оказались в условиях настоящего лагеря. Мы провели там всего один день – в бараках, в карцерах, в особой зоне; услышали подробный рассказ о расписании, о том, что такое была эта жизнь, когда 250 человек за полчаса на 30-градусном морозе должны были утром сходить в туалет... И я помню эти абсолютно серые замерзшие лица актеров, когда мы ехали обратно два часа от «Перми-36» до Перми. Актеры не могли ни говорить, ни смотреть друг на друга. Потом, уже на сцене, они совершенно иначе ощущали своих героев и самих себя.

Театр – это модератор эмоций; и для того, чтобы он был правдивым модератором, он должен сам прикасаться к реальности. В этом весь ужас жизни артиста – он должен открываться навстречу любой боли, иначе он не сможет ее транслировать в зрительный зал.

Через год возник еще один спектакль, уже благодаря «Одному дню Ивана Денисовича», и это была опера Бетховена «Фиделио», которую мы поставили в самом лагере «Пермь-36». И это был еще один экстремальный опыт: из благополучного уютного зала зрителей перемещали за 200 км на территорию лагеря, и там звучала музыка Бетховена. И вдруг оказалось, что структура лагеря 200-летней давности немецкого и лагеря советского абсолютно одна и та же, и расписание жизни одно и то же, и эмоции возникают абсолютно те же самые.

Иногда произведения неожиданным образом открываются даже для самих авторов. Конечно, бесконечно жаль, что Александр Исаевич не смог увидеть эту премьеру, но я помню на генеральной репетиции лицо Натальи Дмитриевны и я помню заплаканного Александра Чайковского, который в финале повернулся ко мне и сказал голосом человека, который как будто не имеет отношения к этой опере, хотя он ее написал: «Так это же получается, что Иван Денисович не вернулся». Иногда произведение начинает жить как будто отдельно от нас. Иногда оно дает даже для нас самих, для создателей этого произведения, неожиданный эмоциональный опыт.

Странный шаг, странная походка людей в валенках – это, наверное, одна из самых обиденных и при этом страшных деталей спектакля. Мы специально учились так передвигаться: когда оперные артисты, привыкшие к роскошным костюмам, платьям, фракам, надели тюремные робы и валенки и два часа должны были работать в них, стало понятно, что это совершенно другая психофизика, совершенно другое ощущение себя.

Я хочу рассказать еще о двух деталях этого спектакля, тоже очень важных эмоционально – поклоны после спектакля. Вся труппа играет эзков, понятно, что на репетициях мы близко друг от друга, мы видим друг друга, мы без грима, у всех есть номера, которые видны на репетиции, когда ты близко, но из зала этого не видно. Начинаются поклоны, и выходит один артист, кланяется, бурные аплодисменты, потому что все думают, что это Иван Денисович, потом выходит другой артист, кланяется, и он абсолютно такой же, и выходит третий, и когда вся сцена заполняется эсками, и ты не понимаешь, кто из них Иван Денисович, вот это был, наверное, такой, тоже неожиданный для нас, очень травматичный и очень эмоциональный опыт.

И второй момент. Пермь, Пермьлаг – один и самых больших лагерных узлов. По некоторым подсчетам на территории Перми каждый четвертый либо сидел, либо сторожил. Пермский кукольный театр располагается в здании бывшей пересыльной тюрьмы на Сибирском тракте, и эта территория настолько погружена в лагерную тему, в лагерные ощущения, что возникают совершенно неожиданные сюжеты. На премьере в зале оказались люди, бывшие эски «Перми-36», сидевшие по политическим статьям; на премьере они вышли на сцену к артистам. Мой английский коллега мне рассказывал, тоже потрясенный, что в зале он оказался рядом с немолодым человеком, и они разговорились. Мой коллега-англичанин стал рассказывать, что вот мы вчера ездили в «Пермь-36», это невероятное ощущение и т. д. А его собеседник говорит: «Да, да, да, я там был тоже». Англичанин спрашивает: «А вы тоже ездили? Я вас не помню на экскурсии». Сосед отвечает: «Нет, я там сидел».

Вот невозможное переплетение... В этом смысле мы все обязаны Писателю. И вместе с Александром Исаевичем Солженицыным еще очень много чего предстоит сделать и сказать на территории театра и на территории искусства.

А. Чайковский

«Один день Ивана Денисовича», опера в двух действиях
по повести А. И. Солженицына
Либретто Г. Исаакяна и А. Чайковского

Сценарный план оперы

1. Барак. Раннее утро
2. Рельс. Подъём
3. Проход Ю-81
4. В комендатуре. Мытьё полов
5. Медпункт
6. Шмон
7. Словарь
8. Шествие колонны на работы
9. Соцгородок
10. Работа
11. Появление Комполка
12. Вокзал
13. Работа
14. Дорога назад
15. Барак. Вечер

Действующие лица и исполнители:

Шухов (Иван Денисович) – Павел Брагин, тенор
Тюрин (бригадир) – Александр Агапов, бас
Волковой (лейтенант) – Сергей Перов, бас-баритон
Комполка – Сергей Перов, бас-баритон
Алёшка (баптист) – Сергей Власов, тенор
Кавторанг (Буйновский) – Валентин Косенко, баритон
Цезарь Маркович – Олег Иванов, бас
Коля-фельдшер – Эдуард Морозов, тенор
Жена Шухова – Татьяна Полуэктова, сопрано
Х-123 (Пётр Михалыч) – Павел Рейман, тенор
Кильдигс – Эдуард Морозов, тенор
Сенька – Анатолий Маринин, тенор
Дэр (десятник) – Татьяна Каминская, меццо-сопрано
Татарин – Татьяна Аникина, контральто
1-я девушка – Ольга Рапеецкая
2-я девушка – Наталья Буклага
3-я девушка – Лариса Келль

4-я девушка – Галина Мухарина
5-я девушка – Ирина Соколова
6-я девушка – Анна Иванова
Павло – Александр Можаяев, бас
Фетюков – Данис Хузин
Соло из хора – Евгений Никитин
Артисты хора и миманса

Соло в оркестре:

Борис Гамус, скрипка
Николай Романов, кларнет
Рустам Зиганшин, труба
Юрий Качалин, тромбон
Александр Осипов, баян
Ольга Кибанова, домра
Оксана Пислегина, Флюра Мусина, синтезаторы
Юрий Трусков, Олег Хамзин, ударные

Музыкальный руководитель и дирижер – Валерий Платонов

Хормейстер-постановщик – Владимир Никитенков
Хормейстеры: Дмитрий Батин, Татьяна Степанова

Художественный руководитель театра
и режиссер-постановщик – Георгий Исаакян

Художник-постановщик – Эрнст Гейдебрехт (Германия)
Художник по свету – Сергей Мартынов
Ассистент художника – Елена Соловьева
Ассистенты режиссера: Ольга Эннс, Екатерина Малая, Владислав Хоружев

Премьера состоялась 16 мая 2009 года.

Руководители проекта: Андрей Кричевский, Карина Абрамян
Менеджер проекта – Анастасия Ходукина
Выпускающий редактор – Татьяна Казарновская
Дизайн – Ильдар Крюков
Перевод – Николай Кузнецов
Фото: Ю. Чернов

MEL DVD 70 02576